

С. А.) временам для аналогии». Имея в виду представителей реакционной профессуры типа Шевырева, подчинявших свою деятельность церковно-полицейским требованиям, он писал, что «жалкие произведения риторики III—IV столетия»¹ выражали преклонение перед властью, угрождали сильному.

Неопубликованные записи лекций Грановского по истории древнего мира раскрывают с большой ясностью те передовые черты его мировоззрения, которые послужили основой плодотворного решения ряда исторических проблем. Опираясь на факты и явления истории древности, он развил мысли об общественном значении исторической науки, о закономерности и прогрессивности исторического развития, о необходимости изучать жизнь народа. Он сделал попытку осветить борьбу демоса, плебеев, рабов и колонов против своих угнетателей. И самый факт, что в обстановке откровенного презрения к народу, царившего в русском дворянском обществе, с университетской кафедры раздавались горячие слова о тяжелой судьбе угнетенного народа, о необходимости изучать его жизнь и борьбу, — этот факт имел глубоко прогрессивное значение.

Архивные материалы показывают, что как в лекциях по истории средних веков, так и в лекциях по истории древнего мира Грановский остается противником угнетения во всех его формах — противником захватнических войн, врагом «идеи» превосходства одних народов над другими, поборником свободного развития науки и просвещения.

Новые данные о Грановском помогают полнее увидеть его как пропагандиста антикрепостнических взглядов, раскрывают замечательное положение Гердена, что «Грановский думал историей, учился историей и историей делал пропаганду». Прогрессивные черты его творчества, тот вклад, который он внес в развитие русской исторической науки, делают важным дальнейшее исследование его научного наследства.

С. Асиновская

ХАРАКТЕР И РОЛЬ «COLONIA ROMANA» В РАСПРОСТРАНЕНИИ РИМСКОЙ ВЛАСТИ НА АПЕННИНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Начало римской колонизации Апеннинского полуострова традиция относит к царскому периоду. Так, Остия, согласно Ливию, была основана еще Анком Марцием², а Сигиния — Тарквинием Гордым³. Хотя сообщения Ливия, Дионисия, Полибия о древнейшем периоде истории Рима носят зачастую легендарный характер, вследствие чего точность датировки выведения той или иной колонии может быть подвержена сомнению, даваемый ими общий ход римской колонизации, безусловно, отражает подлинное ее развитие⁴.

Колонизация была исторически закономерна и обусловлена развитием римской рабовладельческой общины, граждане которой являлись владельцами *ager publicus* и одновременно собственниками своего земельного участка. При низком уровне развития производительных сил земельная площадь общины могла обеспечить существование ограниченного количества граждан. «В противном случае, — отмечает Маркс⁵, они стали бы жертвами того тяжелого физического труда, который тогда свободного гражданина превращал в раба». Вот почему земельный вопрос приобретал в Риме такую остроту и являлся осью классово-борьбы, которая на раннем этапе римской истории проходила в форме борьбы патрициев и плебеев. При

¹ РОГЪЛ, м. 3598/XVIII, л. 25 об. — 26.

² Liv., I, 33, 9; Dionys., III, 44; Polyb., VI, 29.

³ Liv., II, 21, 7. Археологические данные опровергают такую раннюю датировку.

⁴ См. Н. А. М а ш к и н, История Рима, М., 1950, стр. 126.

⁵ К. М а р к с, Вынужденная эмиграция, К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Соч., т. IX, стр. 276—280.

этих условиях территориальные захваты были естественной необходимостью для Рима, как рабовладельческого города-государства. В завоеванных областях римляне основывали колонии, причем на раннем этапе колонизации колонии выводились, в первую очередь, с целью обеспечить безземельных граждан землей, а вместе с тем с целью избавиться от беспокойной неимущей части граждан. Так, по словам Ливия, в 468 г. до н. э., проникнув в область вольсков, римляне вывели колонистов в Анций, «и таким образом, минуя жалобы владельцев, плебс получал земли и в государстве устанавливалось согласие» (Liv., III, 1,4). В 334 г. до н. э., согласно традиции, консулы внесли предложение «вывести в Калы колонистов, чтобы этим благодеянием предупредить желание плебеев»¹.

По мере развития римской рабовладельческой общины на протяжении V—IV вв. до н. э., вследствие роста территориальных завоеваний и обострения социальных противоречий внутри римского общества, количество основанных колоний увеличивается. Традиция свидетельствует о том, что до 494 г. до н. э., т. е. до первой седессии плебеев, было выведено лишь незначительное число колоний: Остия², Сигния³ и Велитры (494 г. до н. э.)⁴.

В период между I и II седессией плебеев, т. е. между 494 и 450 гг., были основаны Норба (492 г.)⁵ и Анций⁶. После 450 г. и до конца IV в. до н. э., т. е. в эпоху наступательной борьбы плебеев за получение полных прав римского гражданства, число выведенных колоний увеличивается: в 442 г. до н. э. основывается Адреа⁷, до 435 г.— Фидевы⁸, в 418 г.— Лабикум⁹, в 395 г.— Вителлия¹⁰, в 393 г.— Цирцей¹¹, в 385 г.— Сатрик¹², в 383 г.— Непет¹³ и Сутрий¹⁴, в 382 г.— Сетия¹⁵, в 338 г.— Анций¹⁶, в 334 г.— Калы¹⁷, в 329 г.— Таррацина¹⁸, в 328 г.— Фрегеллы¹⁹, в 314 г.— Луперия²⁰, в 313 г.— Свесса Аврункская²¹, Понтии²² и Сатикула²³, в 312 г.— Интерамина Сукарина²⁴, в 303 г.—вторично Сора²⁵ и Альба Марсийская²⁶. В этот период (V—IV вв. до н. э.), как показывают приведенные данные, колонизация

¹ Liv., VIII, 16, 13; см. также Liv., VIII, 12, 12; IX, 24, 15; X, 6, 3; Dionys., IX, 59.

² Liv., I, 33; Dionys., III, 44; Polyb., VI, 2, 9.

³ Liv., II, 21, 7.

⁴ Liv., II, 31, 4.

⁵ Liv., II, 34, 6; Dionys., VII, 13.

⁶ Liv., III, 1, 5; Dionys., IX, 59.

⁷ Liv., IV, 11, 3.

⁸ Liv., IV, 17, 1: «colonia Romana».

⁹ См. RE, IV, coloniae, стб. 520.

¹⁰ Там же, стб. 514.

¹¹ Liv., I, 56, 3; II, 39, 2: «colonos... Romanos»; Dionys., IV, 63; VIII, 14: «ἀλλοεῖχοι Ῥωμαίων», которые поселились совместно с жителями Цирцей.

¹² Liv., VI, 16, 6: «coloniam... civium Romanorum»; Dionys., V, 61.

¹³ Liv., VI, 21, 4; Vell., I, 14 — датирует 373 годом до н. э.

¹⁴ Liv., XXVII, 9; XXIX, 15; Vell., I, 14.

¹⁵ Liv., VI, 30, 9; Vell., I, 14.

¹⁶ Liv., VIII, 14, 8: «civitas data».

¹⁷ Liv., III, 16; Vell., I, 14.

¹⁸ Liv., VIII, 21; Vell., I, 14 — датирует 327 годом до н. э.

¹⁹ Liv., VIII, 22.

²⁰ Liv., IX, 26, 3—4; Vell., I, 14 — датирует 323 годом до н. э.

²¹ Liv., IX, 28, 7; Vell., I, 14.

²² Liv., IX, 28, 7; Vell., I, 14.

²³ Liv., IX, 22; Vell., I, 14; Fest., 340.

²⁴ Liv., IX, 28, 8; X, 36, 16; Diod., XIX, 105; Vell., I, 14.

²⁵ Liv., IX, 23, 2: «colonis Romanorum»; X, 1; Vell., I, 14.

²⁶ Liv., X, 1, 1; Vell., I, 14; App., Hann., 39.

шла в различных направлениях. Колонии основываются в плодородных местах Средней Италии, вдали от моря, как, например, Сигний, Непет, Сутрий, Сора, а также на побережье Адриатического, например Адрия, Фиденя, и Тирренского морей, например Остия, Цирцея, Таррацина.

По мере усиления экономической мощи Рима с развитием производства и товарных отношений основание колоний все более служит цели не только обеспечения немощных граждан землей, но и цели создания опорных пунктов римской торговли, особенно заморской. Вместе с тем, как это показывает самый ход колонизации, все колонии представляют собой военно-земледельческие поселения, прежде всего являвшиеся форпостами Рима во вновь завоеванных областях.

Современная историческая наука делит колонизацию V—IV вв. до н. э. с точки зрения государственного правового статуса колоний на два основных этапа: до 338 г. до н. э., т. е. тогда, когда Рим выводил колонии совместно с другими членами Латинского союза, и после 338 г., когда с крушением латинской федерации Рим стал основывать колонии самостоятельно и когда понятие «латинского» города стало означать не его принадлежность к латинскому союзу или его латинское происхождение, а определенный юридический статут, противопоставлявшийся статусу римского гражданства.

Корнеманн¹ вслед за Моммзенем устанавливает три периода образования латинских колоний до 338 г. до н. э.: 1) с конца VI в. до н. э. до 493 г. до н. э. — период основания первых колоний древнелатинского союза; 2) между 493 и 389 гг. до н. э. — период римско-латинско-гернического союза; 3) между 389 и 338 гг. до н. э. — период основания римских колоний, когда Рим становится гегемоном латинской федерации. Все колонии, выведенные до конца IV в. до н. э., Корнеманн считает колониями латинского права, за исключением Остии, Лабика, Анция и Таррацины, которые он называет римскими. Корнеманн не объясняет причины такой классификации колоний V—IV вв. до н. э., но судя по тому, что римские поселения после 389 г. до н. э. он именует латинскими, можно заключить, что критерием для него служит гражданство колонистов. Между тем источники показывают, что вне зависимости от того, один Рим или совместно с другими членами Латинского или латинско-гернического союза выводил колонию, граждане ее, во всяком случае переселившиеся из Рима, называются римскими гражданами, а колония римской², хотя эти колонии и являются членами Латинского союза, латинскими или вольскими городами³. Поэтому, как нам кажется, употреблять понятия латинской или римской колонии в их позднейшем значении применительно к ранней эпохе, как это делает Корнеманн, нельзя. История самой римской общины, так же как и история ее взаимоотношений с колониями, свидетельствует о том, что это были совершенно отдельные общины; к тому же само понятие права римского гражданства сложилось значительно позднее и в определении статуса колоний V—IV вв. до н. э. не может быть применено. Так, римская колония Фиденя, «*colonia Fidenata*» (Liv., IV, 17,1) около 435 г. до н. э. перешла на сторону вейентов, причем сами фиденаты предпринимали набеги против своей метрополии, так что их пришлось одолевать в упорной борьбе (Liv., IV, 21; 23; 30; 31; 32). Римская колония Цирцея также выступала вместе с Велитрами против Рима (Liv., IV, 12; 24; VIII, 3). Древняя колония римлян Анций на протяжении V—IV вв. до н. э. неоднократно предпринимала враждебные действия против своих основателей (Liv., III, 4; 10; 23; VI, 6; 33; VIII, 1; 12; 13). Сатриканцы, будучи «римскими гражданами», в 320 г. до н. э. перешли на сторону самнитов (Liv., IX, 12,5; IX, 16, 2).

Эти выступления римских колоний против Рима свидетельствуют о том, что ранние римские колонии V—IV вв. до н. э. не были частью государственного и обществен-

¹ E. Kornemann, RE, Coloniae, т. IV, стб. 514 сл.

² Liv., II, 39,2; IV, 17, 1; VI, 12, 6; 16, 6; 17,7; 21,3; VIII, 3,9; IX, 16; IX, 23,2; Dionys., VIII, 14.

³ Mommsen, История Рима, т. I, М., Соцэкгиз, 1936, стр. 330, 339, 340 и др.

ного организма своей метрополии, какими были афинские клерухи. Они представляли собой обособленные от Рима города-государства, которые соперничали и враждовали с ним, как это случалось с другими городами, принадлежавшими к латинской федерации. Поэтому войны Рима с колониями следует представлять именно как внешние войны одного города против другого, а не как борьбу внутри единой общины.

Подтверждение тому, что римляне и колонисты выступали в войнах друг против друга как различные общины, содержится так же и в том, что против римских колоний выступали плебеи. Согласно Ливию, за войну против Велитр и Цирцей в 383 г. до н.э. высказались все трибы, т. е. все плебеи (Liv., VI, 21, 5). Если бы отпадение Цирцей и Велитр от Рима было проявлением борьбы патрициата и плебса внутри римского общества, то вряд ли бы жившие в Риме плебеи так единодушно выступили против плебеев, выселенных в колонии и воставших против Рима, поскольку, согласно источникам, колонии V—IV вв. до н. э. населялись именно римскими плебеями¹. В самом деле, если бы жители колоний продолжали оставаться членами римского общества, естественно было бы ожидать, что по крайней мере со стороны римского плебса они получают поддержку. Но именно выступление плебеев Рима против римских же колоний убеждает в том, что римляне — и патриции и плебеи, рассматривали свои колонии как отдельные, теперь от них обособленные общины. Поскольку войны между колониями и Римом носили характер внешних войн общин, обособленных друг от друга, следует предполагать, что колонисты постепенно переставали быть гражданами Рима. Становясь членами Латинского союза, они являлись лишь его союзниками, как это и видно из свидетельств Ливия и из Дионисиева списка тридцати членов Латинской федерации². Таким образом, подразделять колонии, выведенные римлянами в течение V и IV вв. до н. э., на колонии с полным римским и с латинским правом, на наш взгляд, не приходится. Как известно, римское гражданство было обусловлено наличием *status libertatis*, *status civitatis*, *status familiae* и влекло за собой целый ряд прав, важнейшими из которых были *ius connubii*, *ius commercii*, *ius suffragii* и *ius honorum*. Особой привилегией римского гражданина были политические права, вершину которых составляло *ius honorum*. Вплоть до конца IV в. до н. э. полноправными римскими гражданами были лишь римские патриции, потому что только они обладали правом нести почетные должности в государстве.

Как уже упоминалось выше, колонии в V—IV вв. до н. э. населялись римскими плебеями³. В нашем распоряжении нет никаких сведений о перемене юридического положения переселявшихся из Рима в колонии ни в плане уменьшения гражданско-го статуса (*capitis deminutio*), ни в плане получения ими *ius honorum*. Можно даже с уверенностью сказать, что в период ожесточенной борьбы патрициев и плебеев, которая характеризуется упорным стремлением патрициев не допустить плебса к политическим привилегиям римского гражданина, римские колонисты не могли иметь каких-либо политических привилегий. И если переселение в колонию не сопровождалось уменьшением уже имевшихся у переселенца прав, то в лучшем случае римская колония V—IV вв. до н. э. должна была представлять собой «*civitas sine honoribus*». Поэтому «*colonia Romana*» в раннюю эпоху должна, по нашему мнению, пониматься не как община людей, обладавших всеми правами привилегированного римского гражданства, а как привилегированный союзник Рима, как город-государство, в числе основателей которого были и переселенцы из Рима.

Шервин-Уайт⁴ правильно подчеркивает, что ранние римские колонии больше тяготели к латинскому союзу, чем к Риму. Он объясняет это тем, что среди поселенцев преобладал неримский элемент; на участие латинян в переселении в колонии римско-

¹ Liv., III, 1, 4; VI, 16; VIII, 12, 12; 16, 13; IX, 24, 15; X, 63; Dionys., IX, 59.

² Dionys., V, 61; Liv. IX, 32, 1 называет Сутрий, куда была выведена колония (Vell., I, 15; Liv., XXVII, 9; XXIX, 15, 5), союзным городом.

³ Liv., III, 1, 4; VI, 16; VIII, 12, 12; 16, 13; IX, 24, 15; X, 6, 3; Dionys., IX, 59.

⁴ Sherwin-White, *The Roman citizenship.*, Oxf., 1939, стр. 23.

го права справедливо указывает Смит в своей статье, посвященной условиям перехода неримлян в римское гражданство¹. Наличие неримского элемента еще более убеждает нас в том, что статут ранних римских колоний не должен был быть максимальным с точки зрения прав полного римского гражданства. Как и в союзных с Римом латинских городах, в колониях, бывших привилегированными союзниками Рима, должен был действовать обычай частного гостеприимства (Liv., XLII, 1), который, вместе с *ius migrationis* переселенцев, являлся живой и постоянно действующей формой связи между колонией и Римом. Этой связи способствовал также институт патронов, которых имела каждая колония².

На протяжении III в. до н. э. римляне римских колоний в позднейшем значении этого термина не основывали. Это обстоятельство было отмечено уже Моммзеном и может быть объяснено, как нам кажется, следующим образом. В III в. до н. э. снова значительно возросла потребность римских граждан в земле. Развитие товарно-денежных отношений, бесконечные войны способствовали дальнейшей имущественной дифференциации граждан, разорению мелких производителей. Об этом с убедительностью говорит эпизод, связанный с разделом Пикентинской области, проведенным в 232 г. до н. э. Гаем Фламинием (Polyb., II, 21; App., B. C., II, 9). Колонистов в первую очередь интересовала земля. Связанные с обладанием землей реальные выгоды значили гораздо больше, чем право римского гражданства.

Во II в. до н. э. картина меняется. Рим становится безраздельно господствующей общиной на Апеннинском полуострове, центром италийского союза. Сущностью союзнических отношений между Римом и италийскими племенами и общинами становится подчинение союзников Риму. Грани между привилегированной группой союзников, т. е. латинами и латинскими колониями, и союзниками низших категорий стираются. Только принадлежность к римскому гражданству гарантирует экономические и политические преимущества. Превращение Рима в могущественную державу Средиземноморья обуславливает сложный процесс превращения римской армии в профессиональную, который начинается в конце III в. до н. э. и все более дает себя чувствовать в ходе завоевательных римских войн на Востоке. Все это увеличивает значение права римского гражданства и сказывается на характере римской колонизации Италии.

Прежде всего подверглись усиленной колонизации южные районы Италии. В первую очередь римляне наложили свою руку на Кампанию, как самую плодородную и богатую италийскую область. Если в предшествующую эпоху римской собственности в Кампании был только *Ager Falernus*, то после расправы с Капусей за ее переход на сторону Ганнибала римляне стали распорядиться основной массой кампанских земель, как отобранных под наделы для колонистов, так и заброшенных, лишившихся своих прежних собственников, кампанских граждан, частью уничтоженных римлянами, а в большинстве случаев проданных в рабство (Liv., XXVI, 16, 6).

В 194 г. до н. э., по сообщению Ливия, были выведены колонии римских граждан в ПUTEОЛЫ, ВОЛЬТУРНА и ЛИТЕРИ, по 300 человек в каждый из этих городов (Liv., XXXIV, 45, 1; Vell., I, 15). При этом Ливий отмечает, что «была разделена земля, принадлежавшая кампанцам» (Liv., XXXIV, 45, 2).

То, что римляне раньше всего захватили кампанские земли, объясняется как событиями Ганнибаловой войны, так и плодородностью этой области и близостью ее к Риму. Источники свидетельствуют, что Кампания издавна была предметом римских вожделений. Известно, что Сципион Африканский приобрел имение близ Литерна (Liv., XXXVIII, 52, 1; Plut., Scip.). Приток желающих приобщиться к использованию кампанских земель был так велик, что в 173 г. до н. э. по постановлению сената консулу Л. Постумию пришлось заняться разграничением общественных полей и полей частных владельцев, так как эти последние захватывали обманным путем огромные участки (Liv., XLII, 1, 6). Области же Вольтурна, Литерна и ПUTEОЛ представляли

¹ R. E. Smith, Latin and Roman citizenship in Roman colonies. Livy XXXIV, 42. 5—6; JRS, т. XLIV, 1954, р. I—II, стр. 18—20.

² Liv., IX, 20, 10.

собой наиболее привлекательные для колонистов места, поскольку здесь находились и плодороднейшие обработанные земли и расположены они были на побережье Тирренского моря и неподалеку от Аппиевой дороги, являвшейся важнейшей транзитальной магистралью. Таким образом, здесь удобно сочетались земледельческие интересы с торговыми.

Знаменательно, что все три названные колонии основывались как колонии римских граждан, что указывало на стремление римлян полностью овладеть и укрепиться в этом богатейшем районе Италии. Гарантией прочности господства над Кампанской областью должны были быть поселенцы, всеми узами связанные с Римом и сохранявшие здесь в колониях права римского гражданства. Они являлись единственно надежными защитниками римских интересов и в случае любых превратностей должны были бы защищать римское владычество в Кампании. С лишением Канци какого бы то ни было самоуправления, с упразднением в ней городского строя (Liv., XXVI, 16, 9—10) Кампания теряла свое политическое лицо и превращалась в придаток Рима, в полную его собственность, в объект его эксплуатации.

Выведение в Вольтурн, Литерн и ПUTEОЛЫ колоний римских граждан свидетельствовало о полном подчинении Кампании Риму. Вместе с тем оно указывало и на недоверие к тем, кто теперь находился под римским владычеством. В том же 194 г. до н. э. были основаны колонии на границе с Луканией, в Салерне и в собственно Лукании, в Буксенте (Liv., XXXIV, 45, 2; Vell., I, 15). Обе колонии лежали на Тирренском побережье и населялись римскими гражданами, что было продиктовано теми же мотивами, что и в Кампании. В тот же год была выведена римская колония в Сипонт (Liv., XXXIV, 45, 3).

В 185—184 гг. до н. э. была основана римская колония Пизавр (Liv., XXXIX, 44, 10; Vell., I, 15) в районе Ager Gallicus, на месте поселений, возникших еще в период раздела этой земли в консульство М. Эмилия Лепида в 232 г. до н. э.¹ Жители колонии вошли в состав трибы Камиллии. Город получил название от реки, у устья которой был основан. Поселенцам было дано по шесть югеров земли. Такой небольшой размер земельных участков обуславливался характером Пизавра, как колонии приморской, города-гавани. Однако даже такие небольшие наделы колонистов в общей сумме составляли значительное количество изъятого у галлов земельного фонда. Лежащий у устья реки город был безусловно удобен для развития торговли, что нашло позднее подтверждение в том, что через Пизавр прошла трасса Эмилиевой дороги. Естественно, что потеря этой области являлась весьма нежелательной для галлов.

Тогда же, т. е. в 185—184 гг. до н. э., была выведена и колония Потенция в Пизцен, в качестве римской колонии, граждане которой были, как и жители прочих пизценских городов, приписаны к Велинской трибе². Местоположение Потенции на берегу Адриатического моря обусловило ее характер как военно-морского поселения, контролировавшего прилегающие к ней земли живших там пизценатов.

В 183 г. до н. э. были основаны две колонии в Циспаданской Галлии: Мутина и Парма (Liv., XXXIX, 55). В каждый город были посланы поселенцы числом в 2000 человек. При этом надел колониста в Парме составлял восемь югеров, а в Мутине — пять югеров. При самом грубом подсчете вокруг Пармы образовался римский земельный фонд в 16 000 югеров, т. е. в 4000 га, вокруг Мутины — в 10 000 югеров, т. е. в 2500 га. Это значит, что с образованием этих двух колоний бойи, владевшие областями вокруг Пармы и Мутины, лишились в пользу римлян около 6500 га земли. Обе колонии были основаны как колонии римских граждан. Тогда же была выведена в Этрурию римская колония Сатурния (Liv., XXXIX, 55).

В 181 г. до н. э. была выведена на этрусское побережье Тирренского моря колония Грависки, недалеко от Пирг. Каждый колонист, наделенный правами римского гражданства, получил по пять югеров земли (Strabo, V, 2, 8; Liv., XL, 29). Между 180 и

¹ Nissen, *Italische Landeskunde*, II, В., 1902, стр. 380.

² I. Beloch, *Der Italische Bund*, Lpz., 1880, стр. 417.

177 г. до н. э., согласно Ливию (Liv., XLI, 13), была выведена колония Луна, а согласно Веллею (Vell., I, 15) — Лука. Весьма возможно, что к этому времени относится основание обеих колоний. Луна, фигурирующая у Ливия, была создана в Пизанской области, якобы с согласия жителей Пиз (Liv., XL, 43). В Луву было послано 2000 человек, причем каждого наделили 51,5 югера земли. Следовательно, пизанцы и лигуры, потеснившие здесь этрусков, потеряли около 103 000 югеров, т. е. 25 750 га земли, которые перешли в руки римских граждан. В 157 г. до н. э. выводится римская колония в Ауксим (Vell., I, 15), небольшой городок недалеко от Адриатического моря (Strabo, V, 4, 2). К 124 г. до н. э. относится основание Фабратерии (Vell., I, 15), которая выросла на земле вольского городка Фабратерии Ветус, известного как по надписям (CIL, X, 1, p. 552), так и из литературы (Liv., VIII, 19), и вольского городка Фрегеллы, разрушенного в ходе первой Самнитской войны самнитами и восстановленного к 327 г. до н. э. римлянами (Liv., VIII, 23, 6). Восстановив город, римляне вывели туда колонию. Веллей Патеркул (Vell., I, 15) сообщает, что во Фрегеллы колония была выведена около 240 г. до н. э. Но возможно, что в 240 г. колония лишь получила пополнение. Страбон вспоминает, что Фрегеллы были некогда значительным городом, в его же время представляют собой деревню — *κωμη* (Strabo, V, 3, 10). Новая Фабратерия стала колонией римских граждан (поскольку среди общин, восставших в Союзническую войну, она не значится) и была приписана к Троментинской трибе¹. 123 год до н. э. был ознаменован выведением трех колоний. На побережье Ионического моря на месте греческого порта была образована колония Скилаций или Сколаций. На южном побережье Тирренского моря, в удобной гавани — колония Минервия, в Тарентинской области — колония Нептуния. В 100 г. были выведены Епоредия и Дертона², на северо-западе Апеннинского полуострова, в Галлии Транспаданской и в Лигурии, обе — как колонии римских граждан³.

Приведенные данные источников убеждают в том, что в течение II в. до н. э. Рим вывел много колоний и значительно расширил площадь *ager publicus*, что шло за счет потери италийскими союзниками Рима крупных земельных массивов.

Большинство выведенных колоний локализовалось на побережье Адриатического, Ионийского и Тирренского морей, так что наиболее удобные гавани, а вместе с ними и заморская торговля попадали в распоряжение римлян.

Как уже было отмечено выше, все основанные Римом колонии имели не только сельскохозяйственный характер. Прежде всего они являлись военными или военно-морскими поселениями, своего рода римскими крепостями внутри союзнических областей, контролировавшими эти области. Характер римских колоний как форпостов Рима в Италии, служивших для дальнейшего расширения завоевательной политики римских рабовладельцев, проявился особенно четко во II в. до н. э. Достаточно остановиться лишь на некоторых примерах. За утверждением римлян в Салерне, расположенном на границе с Луканией, последовало их продвижение в Луканию. Выведение колоний в Темпсу и Кротон гарантировало укрепление Рима в Бруттии. Колония Аквилея явилась важнейшим опорным пунктом римлян в их последовавшей затем борьбе с таврисками-нориками (Strabo, IV, 6, 12). По сообщению Ливия, в 181 г. до н. э., т. е. уже через два года после основания колонии в Аквилее, сенат вынужден был послать в эту колонию пополнение в количестве полутора тысяч человек. Это было обусловлено сокращением числа колонистов, вследствие гибели многих из них в непрерывной борьбе с местными племенами, вытесняемыми римлянами с их земель (Liv., XL, 3, 17). Часть колоний выводилась во внутренние области полуострова, главным образом в Цизальпинскую Галлию. Возникновение их связано с борьбой римлян против некоторых галльских и лигурийских племен за полное подчинение себе северных районов Италии.

¹ Liv., XL, 30; Strabo, V, 3, 10; Plin., HN III, 64; I. Beloch, ук. соч., стр. 40—41.

² Vell., I, 15.

³ Liv., LX, 30; I. Beloch, ук. соч., стр. 36.

Бонония, Мутина, Парма, а впоследствии Дертон и Епоредия были соединены построенной в 187 г. до н. э. дорогой, получившей название, по имени консула, организовавшего ее постройку, Эмилиевой. Via Aemilia была проведена от Плаценция до Аримина, важнейших опорных пунктов римлян в борьбе с галлами (Liv., XXXIX, 2, 10). Другой консул 187 г. до н. э., Фламиний, провел дорогу из Бонония в Арреций (Liv., XXXIX, 2, 6). Проведение этих дорог означало установление контроля Рима над Цизальпинской Галлией.

Из 28 колоний, выведенных римлянами на территорию Италии в течение II в. до н. э., 19 из них были основаны как колонии римских граждан, три колонии значатся в источниках как латинские колонии, характер шести колоний установить не удалось. Если даже эти шесть колоний были выведены как колонии с латинским правом, все же преобладание колоний с правом римского гражданства — 19 из 28 — не подлежит сомнению. Однако вместе с увеличением числа колоний полного римского права наблюдается во II в. до н. э. тенденция Римского государства ограничить доступ италийцев к получению римского гражданства. Это находит свое выражение, во-первых, в запрещения сената в 194 г. до н. э. считаться римлянами тем латинским колонистам, которые переселились в колонии римских граждан — ПUTEОЛЫ, САЛЕРИ и БУКСЕНТ¹; во-вторых, в законе 177 г. до н. э. о союзниках, закрывавшем обычные пути для перехода союзников в римское гражданство², в третьих, в уменьшении числа римских граждан согласно цензу 173 г. до н. э.³

Перечисленные события представляли собой проявление римского диктата на Апеннинском полуострове. Вопрос о развитии авторитарных тенденций Рима подвергается сомнению в научной литературе. В этом отношении весьма показательна книга Иозефа Гёлера⁴. По его мнению, взаимоотношения Рима с союзниками искони были лояльными и миролюбивыми. Так, условия договора 338 г. до н. э. расцениваются им почти как милость Рима в отношении латинян, переход в III в. до н. э. к чеканке монет с римской легендой по всей Италии трактуется как естественный процесс слияния, сращивания италийцев с римлянами. Наконец, выселение италийцев в 180 и 177 гг. до н. э. из Рима рассматривается И. Гёлером, как уступка Рима по отношению к латинянам. Для союзнической политики Рима во II в. до н. э. И. Гёлер считает характерным такой факт, как дарование civitas Romana Фундам, Формиям и Арпиуну. Все построение И. Гёлера крайне тенденциозно. Его концепция не может быть убедительной, поскольку он совершенно игнорирует данные источников, доказывающие усиление римского нажима на союзников на протяжении IV—II веков до н. э. в политической, экономической, сакральной и культурной областях.

С работой И. Гёлера перекликается выше указанная статья Р. Смита, который останавливается на одном из эпизодов II в. до н. э., рассказанном Ливием (XXXIV, 42, 5—6). Р. Смит утверждает, что сенат запрещал переход в римское гражданство лишь тем латинянам, которые записались в колонию римского права, но не переселился в нее, чем не ограничивал доступ в ряды римского гражданства, а имел лишь целью соблюдение обычных норм, связанных с переменной гражданской статута. Однако Ливий не дает достаточных оснований для такой трактовки вопроса. Говоря о ферентинатах, заявивших о своем желании участвовать в переселении в колонию, Ливий их колонистами не называет, а ограничивается замечанием, что они *in coloniam Romanam nomina dedissent*. Касаясь тех, кто заявил о своем желании переселиться в ПUTEОЛЫ, САЛЕРИ, БУКСЕНТ, Ливий называет их *adscripti coloni*, т. е. колонистами, приписанными к этим колониям. Поэтому слова *qui nomina dederant* следует понимать только как подтверждение уже сообщенного в предшествующей главе (Liv., 32, 29, 3—4), а не отождествлять со словом *adscripti* в отрыве его от *coloni*.

¹ Liv., 34, 42, 5—6.

² Liv., XLI, 9, 9—12.

³ Liv., XLII, 10, 2.

⁴ I. Göbler, Rom und Italien. Die Bundengenossenpolitik von den Anfängen bis zum Bundengenossenkrieg, Breslau, 1939.

Таким образом, можно считать, что институт колоний римских граждан возник лишь во II в. до н. э. На раннем этапе колонизации, в V—IV вв. до н. э., разница в государственно-правовом отношении между колониями римского и латинского права фактически была незначительной. Да и поселенцев прежде всего интересовала земля, а не гражданский статут. Появление новой формы колоний римских, т. е. таких, жители которых обладали всей полнотой прав римского гражданина, было обусловлено усилением Рима на Апеннинском полуострове. Господствующее положение Рима повлекло за собой особое значение права римского гражданства, сделало его привилегией. Это обстоятельство послужило причиной того, что римляне с большей охотой переселялись в те колонии, которые не влекли за собой *capitis deminutio* их поселенцев.

Взросший удельный вес *coloniae Romanae* во II в. до н. э. обусловлен также и интересами Рима как господствующей общины в системе италийского союза. Печальный опыт Ганнибаловой войны в обстановке нарастающего недовольства союзников заставлял Рим создавать себе в Италии прочные опорные пункты, готовые защищать римские привилегии, совпадавшие с их собственными. Наконец, интересы именно господствующего класса римских рабовладельцев требовали в условиях вспыхивавших в различных частях полуострова рабских восстаний надежных защитников существующего общественного строя.

Римские колонии явились закономерным выражением диктаторских тенденций древнего рабовладельческого Рима на Апеннинском полуострове.

И. Л. Маяк

ГРЕЧЕСКИЕ ЕГИПТИЗМЫ ВРЕМЕНИ СУЩЕСТВОВАНИЯ ГРЕЧЕСКИХ ФАКТОРИЙ В ЕГИПТЕ

В дополнение к исследованиям египетских заимствований в греческом языке, изложенным автором в специальной работе¹, в настоящей статье рассматривается еще несколько заимствований, относящихся ко времени после появления в Египте греческих факторий², а именно слова: *ἄκριβις* «скарעד», *μέτρον* «мера вместимости» (и другие значения), *σάρακος* «(служитель), подметающий (государственные) зернохранилища» и *τιθαίβωσσω* «гнездиться» (о пчелах).³

Экономическую суть представленных ниже значений, а соответственно и хронологическую принадлежность объясняемых слов, я ниже нарушаю лишь одним словом: глагол *ἰρῦω* «прихожу на помощь» пришлось привлечь на правах историко-эвуковой параллели к моему объяснению слова *σάρακος*.

Ἄκριβις 1) «дотошный», 2) «скарעד»

Из перечисления в словаре Бузака мнений индоевропейцев о происхождении этого слова видно, что ни одно из мнений, до сих пор предложенных, убедительностью не отличается. К этим мнениям следует, впрочем, присоединить еще замечания в словаре Лиделла и Скотта³: «Значение указывает на *ἄκρος*, как первую часть слова, но *-ίβις* остается сомнительным». А следовательно, прибавим, остается сомнительным и сближение с прилагательным *ἄκρος*,

Приступая к новой попытке объяснения, отдадим себе отчет в следующих значениях: 1) «точный»: а) «дотошный», б) о точном смысле слова, 2) «скарעד, скупердый, бережливый»,

¹ П. В. Ернштедт, Египетские заимствования в греческом языке, М.—Л., 1953.

² См. там же раздел «Поздние заимствования», стр. 97—131, где рассмотрены слова: *βάρις* «судно», *ἐρπίς* «вино», *ἐρσιβάω* «быть зараженным мучнистой росой», *μετός* «полный», *μέσση* «наполнение», *μηροίξω* «жевать жвачку», *σάρον* «метла», *σωρός* «куча (зерна)», *σπείρω* «сеять», *ὄσυός* «виноградная ветка с гроздьем».

³ H. G. Liddell and R. Scott, *Greek-English Lexicon*, Oxf., 1948.